

Старая Москва, тихие, пустынные, немощные улицы, деревянные тротуары... Перед каждым домиком садик, кусты сирени, пыльные акации и старые старые уличные фонари с лампами, те самые, о которых была сложена старинная песенка с припевом:

Фонарики-сударики горят себе,
горят,
Что видели, что слышали,
Про то не говорят!

А вот этот уличный фонарик, который стоит у дома № 9 по Голицыновскому переулку Замоскворецкой части, может рассказать, что в этом доме 160 лет тому назад

ский сервиз великолепного севрского фарфора. Затрудняюсь сказать, из скольких предметов он состоял, но выглядел он помпезно-роскошным. На всех блюдах и тарелках были художественно изображены в полной парадной форме все наполеоновские маршалы и генералы: Мюрат, Даву, Ней, Бертье, Лефевр, Фуше и другие.

Кто, где, когда, при каких обстоятельствах стал хозяином брошенного сервиза — не знаю. Оливье купил, чуть ли не на аукционе, большую часть этого сервиза, надо сказать, находившегося в прекрасном состоянии, и теперь, подавая его на стол, брал только за сервировку по рублю с «персональ» ассигнациями.

В тот день, о котором я рассказываю,

Все замолчали, обернув лица к вставшему Островскому и ожидая торжественного тоста-поздравления (что-нибудь вроде чеховского, позднего чеховского, из «Вишневого сада»: «Дорогой многоуважаемый шкаф!»). Островский молчал, опустил голову и положил правую руку на красивую, отпечатанную типографским способом карточку-меню. Вдруг, словно вспомнив что-то или на что-то решившись, он легко и быстро повернулся к сидящему рядом с ним бенефицианту, поднял руку с карточкой, тихонько отшалялся, как всегда делал перед началом чтения своих пьес, и начал громко читать то, что было напечатано на карточке, будто это вовсе и не меню, а театральная программка:

о сервировке стола, о разнообразии и обилии блюд мне рассказывала живая участница этих событий, моя бабушка Варвара Петровна, которая в тот день сидела за столом слева от Александра Николаевича Островского. Рассказывала она мне об этом обеде в 1920 году, когда ей уже шел восьмой десяток, но помнила она все прекрасно не только ввиду значительности самого события, но, наверное, еще и потому, что она, сама великолепная хозяйка, гордившаяся своим хлебосольством и умением доставить удовольствие гостям, с ревностным вниманием относилась к любому застолью. А я (теперь, признаться, не нарадуюсь, что не поленился тогда) подробно, прямо-таки педантично записал рассказ бабушки, что, впрочем, я делал и с воспоминаниями моих родителей, особенно матери, Варвары Николаевны. Все это вошло в мою книгу о ней — «Рыжов о Рыжовой» (издательство ВТО).

А вот карточку-меню бабушка не сохранила. Однако она у меня есть, эта карточка, вот лежит передо мной. Правда, картон пожелтел от времени, а тисненые золотом буквы слегка выцвели (да и немудрено — меню-то этому немногим больше ста лет!). Попало же оно ко мне от Александры Александровны Яблочковой, она его мне подарила. Я рассказал об этом обеде и его участниках, потому что главная для меня фигура в нем — великий Александр Николаевич Островский. И велик он, с моей точки зрения, не просто тем, что был великим драматургом. В истории мировой драматургии было немало гениальных драматургов. Но не всем из них удалось создать свой театр, не все из них имели такой глубокий, органичный, внутренний контакт с коллективом актеров, способных, готовых, жаждущих воплощать на сцене замысел и идеи писателя. А мы, Малый театр, тогда стали именно Домом Островского.

Внимание Островского к актерам, работа о них не знали границ. Не буду повторяться и перечислять имена актеров и актрис, которым Александр Николаевич помог найти себя, помог осознать свой талант и его особенности. Он по-человечески любил актеров, ему было с ними хорошо везде: в театре, дома, на улице, за обедом в ресторане. Драматург видел в артистах своих товарищей, дорожил тем, что труппа Малого театра была истинным коллективом, спаянным чистосердечной дружбой, доброжелательностью, готовностью помочь друг другу. Александр Николаевич бывал непременно участником всех праздников всех актеров Малого театра: бенефисы, крестины детей, юбилеи, дни рождения — во всем раскрывалось его чудесное сердце, характер типичного москвича.

И вот в дни 160-летия со дня рождения А. Н. Островского хочется с радостью сказать, что теперь творчество и замечательные образы, созданные Островским, вновь зазвучали с особенной силой, восхищая своим драматургическим мастерством советских зрителей...

Нельзя не вспомнить слова титана мировой литературы Л. Н. Толстого, который писал А. Н. Островскому: «Любознательный друг Александр Николаевич! Это письмо передайте тебе мой друг, Владимир Григорьевич Чертков, издающий дешевые книги для народа. Может быть, ты знаешь наши издания и нашу программу, если нет, то Чертков сообщит тебе. Цель наша — издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку. Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце. Обо всех подробностях, если ты согласишься (о чем я очень прошу и в чем почти уверен), то обо всех подробностях что и как печатать и многом другом переговори с Чертковым. Я по опыту знаю, как слушаются, читают твои вещи народом, и потому мне бы хотелось, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, то есть несомненно общепризнанным, в самом широком смысле — писателем. Лев Толстой».

Ввиду того, что Чертков заболел, это письмо было передано курьером и с заданием: Островский за несколько дней до получения этого письма умер в Щелыкове, не успев дать Толстому ответ... Ответ на это письмо вместо Островского дал наш советский народ...

Пьесы А. Н. Островского идут во всех театрах союзных республик и за рубежом. Голубые экраны телевидения доносят его пьесы и идеи до самых отдаленных уголков нашей Родины. С экрана кино звучат его «Бесприданница», «Бешеные деньги», «Гроза»... На всех языках печатаются произведения Александра Николаевича Островского, подлинно общепризнанные в самом широком смысле слова писателя.

НА СНИМКЕ: дом, где родился А. Н. Островский.

Николай РЫЖОВ,
народный артист
СССР

ОДНАЖДЫ В «ЭРМИТАЖЕ»

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА С А. Н. ОСТРОВСКИМ

12 апреля 1823 года в 4 часа пополудни родился мальчик Саша, в будущем великий русский драматург Александр Николаевич Островский. В этом доме скоро откроется филиал театрального музея имени А. А. Бахрушина «Домик Островского» (улица Островского, 9). Этот простой деревянный дом с памятником Островскому, окруженный садиком, сейчас восстановленный в том виде, каким он был в 1823 году, хранит в себе аромат эпохи...

В музее много реликвий, принадлежащих Островскому, его редких портретов, портретов его близких и друзей, среди которых и мой дед Николай Игнатьевич Музиля — любимый артист Островского и его большой друг. Мне хочется рассказать об одной страничке из жизни великого драматурга и об одном его сочинении, которое нигде еще не опубликовано и появится на страницах печати впервые.

Так вот... В весенний день, вскоре после одного из бенефисов моего деда Н. И. Музиля, был дан его товарищами торжественный обед в «Эрмитаже — Оливье», модном в те годы ресторане московской служилой интеллигенции, актеров, писателей, ученых и художников.

Ресторан «Эрмитаж», хозяином которого был обрусевший француз Оливье, находился в центре Москвы, на Трубной площади. Название площади сохранилось до сих пор, но сама она изменилась неузнаваемо. Я сам помню ее облик, вид ее в предреволюционные годы. Впрочем, в период зла она выглядела так же. Но описать ее, наверное, никому не удавалось так прекрасно, как А. П. Чехову в рассказе «В Москве на Трубной площади». Кстати, рассказ этот Чехов написал вскоре после бенефисного обеда деда Музиля, на котором он присутствовал вместе с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко. Шли они в этот яркий весенний день в «Эрмитаж» через Трубу, как попросту называли Трубную площадь москвичи, и Чехов увековечил ее в своем рассказе, может быть, именно такой, какой видел ее в этот раз. И вот, через эту Трубу, в ресторан «Эрмитаж — Оливье», стоявший на углу Неглинной и Цветного бульвара (кстати, дом этот и сейчас стоит как раз напротив аптеки Трубной площади), собрались гости Николая Игнатьевича Музиля. Раздевшись внизу, гости подымались по широкой чугунной лестнице с узорчатыми перилами на второй этаж, в Белый зал. Через широкие окна солнце заливало веселым светом длинный празднично украшенный стол. Это Оливье умел. Для особо торжественных случаев у него имелся так называемый «Наполеоновский сервиз». Собственно говоря, не так называемый, а действительно принадлежавший некогда императору Франции.

Остался этот сервиз в Москве в тот незабываемый 1812 год, когда полководец Наполеон, победивший, покоривший армии всех европейских стран, бежал из объятий пожарами, захваченной французами, но не покорившейся им Москвы. И завоевателям пришлось бросить не только награбленное, но и свое собственное имущество. Где ж было оставшимся 107 тысячам солдат увести то, что было награблено более чем полумиллионной армией! Оказался брошенным, правда, тщательно упакованный в ящики наполеонов-

за столом сидела вся труппа Малого театра. Поклонники таланта Музиля представляли и люди «степенные, солидные», богатейшие купцы-первогильдийники и заводчики: М. С. Кузнецов (тот самый фарфорщик), чайный король Перлов, которому принадлежал знаменитый «чайный домик» — магазин на Мясницкой (здание это и сейчас стоит на улице Кирова, и в нем по-прежнему магазин «Чай-кофе-кондитерские изделия»), знаменитый Савва Морозов, человек нестандартный, по своему очень одаренный, миллионер Рябушинский и еще несколько человек, в том числе известный в Москве профессор Захарьин, А. Бахрушин, ... Третьяков, создатель галереи, Бостанжогло, табачный король...

А. Н. Островский, уже немолодой, но по-молодому сегодня оживленный, веселый, смеющийся, излучает доброжелательность и радость встречи с теми, кто воплощал образы созданных, придуманных или подсмотренных им в жизни героев. На него с нескрываемым благоговейным восхищением смотрит непривычно черноволосый для современных людей, которым знакомы портреты знаменитого актера и режиссера в пору его зрелости и «седости», черноволосый, юный и стройный К. С. Станиславский.

Последними пришли В. И. Немирович-Данченко и А. П. Чехов, который как писатель еще и не был Чеховым, так как подписывал свои рассказы — «А. Чехонте». А. Н. Островский встретил вновь прибывших ласково, приветливо, без всякого высокомерия или снисходительности, которые нередко изливают маститые писатели на молодых, начинающих литераторов.

Рассевшись за столом, гости продолжали радостно-возбужденно переговариваться, шутить, смеяться, пока не раздастся чистый, серебряный звон хрустала. Это старейший за столом Александр Николаевич Островский легко постучал одним бокалом о другой.

«Москва, бенефис комика Малого театра Николая Игнатьевича Музиля.

Пролог.

Водка и закуска а ля Шмага.

Акт первый.

Суп а ля Добчинский с пирожками а ля Митрофанушка.

Акт второй.

Севрюга а ля Елисей.

Акт третий.

Филе де беф а ля Робинзон.

Акт четвертый.

Жаркое дичь — «Птички певчие». Салат свежий из огурцов а ля Пурсоньяк.

Акт пятый.

Горошек а ля Бальзаминов.

Акт шестой.

Мороженое «Все мы жаждем любви».

Эпилог.

Кофе «Еще много лет».

И под общие аплодисменты вручил свое сочинение деду.

Собравшиеся давно поняли, что меню составлено из имен героев, сыгранных Николаем Игнатьевичем Музилем за годы его службы в Малом театре, и дружно аплодируют и бенефицианту, и автору, — составителю этого меню Александру Николаевичу Островскому. Тот целует своего любимого актера, моего деда Музиля, целует его жену, мою бабушку Варвару Петровну (некоторые шутники утверждали, что ее — горячее), все смеются, хлопают в ладоши, говорят какие-то ласковые, теплые слова, вскакивают, тоже целуют Музиля.

Наконец все успокаиваются, рассаживаются по своим местам и приступают к исполнению «Пролога», причем трудно сказать, кто делает это талантливее: актеры или остальные гости — вероятнее всего, это делается великолепно всей сидящей за столом «труппой», тем более что «закуска а ля Шмага» была изумительна. Кстати, обо всех этих подробностях, о тех, кто присутствовал на этом обеде,

